

Михаил Ахманов

СТАНИСЛАВ ЛЕМ, ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ

Бесспорно Станислав Лем (1921–2006) был не только писателем-фантастом, но и одним из самых выдающихся мыслителей нашей эпохи. Далее я не собираюсь развивать эту мысль, высказанную множеством раз другими людьми. Собственно, моя статья посвящена книге Лема "Мой взгляд на литературу" (М., 2009, изд-во "АСТ", 857 стр., тираж 3 000 экз.), которую я недавно прочитал. Этот сборник, посвященный не только вопросам литературы, ярко демонстрирует как широту интересов Станислава Лема, так и глубину его мысли.

Но сначала хочу сказать о другом, о моем личном отношении к пану Станиславу. Я никогда не встречался с ним и не писал ему, но его книги оказали на меня огромное влияние. Насколько мне помнится, лет в пятнадцать я прочитал "Астронавтов", не очень впечатлившись этим сочинением, но года через три-четыре мне попался сборник "Вторжение с Альдебарана". Это был совсем иной Лем, и его рассказы меня восхитили. "Вторжение" до сих пор хранится в моей библиотеке, книга потрепана и за пятьдесят лет лишилась первых и последних страниц, но я берегу ее как память первого контакта с паном Станиславом. Позже последовали "Магелланово облако", "Солярис", "Непобедимый", "Эдем", "Возвращение со звезд", "Сумма технологии" и остальные творения Лема, которые я читал запоем. При всем моем уважении к Стругацким, Булычеву, Михайлову, Лем был на первом месте – и, признаюсь, с большим отрывом. Интеллектуальная связь с ним, с его книгами, сохраняется до сих пор.

Эта связь осталась нетленной и тогда, когда я начал писать сам. В зрелые годы мне стало понятно, что обеспечивает прочность этой связи: взгляд на мир, интерес к его будущему, а не к сиюминутным проблемам. Есть и кое-что еще. В упомянутой выше книге Лема есть небольшая заметка об авторах, чьи книги он читал в детстве и отрочестве: Жюль Верн, Дюма, Конан Дойль, Киплинг, Джек Лондон. Я тоже вырос на их книгах, и я разделяю восхищение Лема такими титанами, как Герберт Уэллс и Генрик Сенкевич. Несмотря на разницу в том, что я назвал бы "масштабом личности", между нами существует некая духовная близость. Я понимаю, что пишу иначе, чем Лем, и темы моих книг куда более мелкие, однако он был и остается для меня Учителем и Наставником. В частности, я тружусь не только над фантастическими романами, но и над книгами "нон-фикшн" – безусловно в этом сказало влияние Лема, автора очень разностороннего.

Теперь перейду к его книге "Мой взгляд на литературу", в трех частях и Дополнении к которой собраны как крупные статьи Лема, так и некоторые его письма и мелкие заметки. Обозреть все эти материалы – а их в книге на 850 страниц около сотни – не представляется возможным, и я коснусь только тех очерков и заметок, которые вызвали у меня наибольший интерес. Возможно, это ориентирует начинающих авторов и переводчиков, для которых эта книга Лема чрезвычайно полезна.

В очерке "Признания антисемиотика" рассматривается проблема перевода, в том числе возможность адекватного переложения произведения на другой язык. Лем подчеркивает, что перевод фактически является переносом исходного текста в иную культурную среду, с учетом особенностей чужого языка, психологии населения, его литературных вкусов и т.д. Я вижу в этом подтверждение собственной мысли: дословный перевод не является лучшей стратегией, можно и должно изменять при необходимости авторский текст, добиваясь, чтобы переведенная книга производила на читателей (в данном случае, россиян) такое же интеллектуальное и эмоциональное впечатление, как на носителей исходного языка. В этом очерке есть одно очень важное замечание Лема: "...тот, кто не учитывает отношения длины предложений к их смысловому объему, не может быть писателем". Полностью согласен.

Большие статьи "О непоследовательности в литературе" и "Маркиз в графе" являются, как мне показалось, центральными в книге. В них Лем разбирает ряд вопросов, связанных с нарушением логики повествования и правомочностью такого приема, пишет о соотношении между фантастическим произведением и мифом, о создании персонажей, об импульсе, побуждающем к литературному творчеству и тому подобном. Приведу пару цитат, для меня особенно значимых. О побудительных мотивах Лем пишет: "Одним из самых смелых притязаний литературы является желание сравняться с Господом Богом в создании миров, которые не были бы плагиатом

божьего продукта". И еще одно высказывание, об утопиях: "...утопия - тема литературно неблагоприятная, неясный мираж, который сумеет активизировать только какое-то ценное событие, например, конфронтация с действительным обществом, как в романе Г.Уэллса "Люди как боги". Жанр утопии меня всегда интересовал именно в силу отмеченной Лемом трудности: нет конфликта - нет романа. В западной фантастике утопии отсутствуют (если не считать попыток Франсиса Карсака), но в СССР и Польше были созданы три великих произведения о счастливом (т.е. бесконфликтном) будущем: "Туманность Андромеды" Ефремова, "Магелланово облако" Лема и "Полдень, XXII век" Стругацких. Я тщательно изучал их перед тем, как написать своего "Ливийца" - единственную утопию, которая вышла в современной России. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

В статье "Science Fiction: безнадежный случай с исключениями" Лем громит американскую фантастику, утверждая, что она скатилась "ниже плинтуса", потворствуя желаниям издателей-коммерсантов и недоумков-читателей. Статья большая, почти на полсотни страниц, и разгром очень основательный; ясно, почему Лема лишили в 1976 году почетного членства в Американской ассоциации писателей-фантастов. С горечью признаю, что ситуация в российской фантастике сейчас очень походит на то, что описывал Лем в семидесятые годы. Полезно почитать и сей счет подумать.

Упомянутые выше очерки относятся к первой части книги. Во второй собраны менее объемные статьи, из которых меня особенно заинтересовали заметки о творчестве Достоевского ("О Достоевском без сдержанности"), о "Лолите" Набокова ("Лолита, или Ставрогин и Беатриче"), "Послесловие к "Войне миров" Г.Уэллса" и "Послесловие к "Пикнику на обочине" А. и Б.Стругацких". Собственно, первая статья касается книги Мацкевича "Достоевский" (вышла на польском в 1957 г), которой Лем дает весьма высокую оценку. Он пишет о невероятных трудностях, с которыми сталкивается автор научного труда или романизированной биографии, когда пытается изобразить гения (в данном случае - Достоевского): "Ничего не может быть более разумного, если дело касается гения, то есть человека абсолютно неповторимого, чем заложенная в начале исследовательской работы мера, сдержанность, осознание, что мы стоим перед явлением, которое до конца, всецело, полностью постичь, охватить, понять, вскрыть в убеждении, что это путь в глубь его тайны, - невозможно". Далее рассматривается вопрос о персонажах, о порождающих их источниках: "В принципе писатель неохотно "берет из жизни готового человека", ибо давление знакомой ему живой личности может оказать разрушительное влияние на его замысел, готово разорвать задуманную конструкцию. Естественный порядок сводится к безжалостному разложению на составляющие, терзания, аналитические присваивания черт разных личностей, как друзей, так и врагов, одинаково чуждых или самых близких. Из возникающего в этом процессе "сырья" через как бы повторную реинкарнацию в глубине разума автора, через удивляющее порой создание гибридов, сгустков черт или их разбавлений, привнесения ангельского или дьявольского, возникают герои произведения".

Из статьи "Лолита, или Ставрогин и Беатриче" можно извлечь не только анализ книги Набокова, но и мнение Лема об эротических эпизодах, которыми многие авторы украшают свои творения. Он пишет о сложности таких сцен и рассматривает различные их варианты - причем, насколько я понял, ни один его не устраивает. Обе статьи, о Достоевском и Набокове, очень полезно изучить начинающим литераторам.

Послесловие к "Войне миров" с высочайшей оценкой творчества Герберта Уэллса я "проглотил на одном дыхании", так как считаю Уэллса одним из великих писателей в мировой литературе. Послесловие к "Пикнику" также очень интересно: Лем говорит об искусном "механизме недосказанности", который используют Стругацкие, и подробно рассматривает этот прием на примере "Пикника". Правда, конец этой повести погрузил его в недоумение, и к этому вопросу он возвращался еще не раз, пытаясь разгадать замысел авторов (см. письма Лема к критику Рафаилу Нудельману).

Для меня наиболее интересными были материалы из части третьей, относящиеся не столько к литературе, сколько к прогнозам пана Станислава, сделанным в 1964 году в "Сумме технологий". Очень впечатляют две большие статьи: "Сумма технологий. Послесловие к дискуссии" (1965 г) и "Тридцать лет спустя" (1991 г). В первой работе Лем разъясняет некоторые моменты, связанные со сделанными им прогнозами; при этом упоминается некий философ-марксист Колаковским (профессор, а впоследствии - академик Польской Академии наук) - единственный, кто опубликовал рецензию на "Сумму технологий", причем весьма

критическую. Прошло почти тридцать лет, и Лем пишет вторую работу, в которой оценивает свой прогноз о фантомологии, а заодно разделяется с Колаковским. Я напомню, что фантомология трактует о погружении в нереальное бытие, когда человек, подключенный к компьютеру, испытывает все ощущения, тактильные, зрительные и т.д. с той же остротой, что и в реальной жизни. Властвуя над этим иллюзорным миром, он может превратиться в его владыку, в бога, в победительного героя или супруга тысячи жен. Наконец, он может потерять ощущение реальности, посчитав, что мир находится не за пределами компьютера, а иллюзия и есть реальность. На многочисленных примерах Лем показывает, что в 1991 г уже создаются технические средства для такого подключения и, следовательно, его прогноз - святая истина. Мы, живущие в 2016 г, знаем, что такие средства уже есть. Более того, мы знаем, что без особо дорогих приспособлений можно так погрузиться в компьютерную игру, что связь с внешним миром будет утеряна, и человек превратится в компьютерного наркомана. Именно то, о чем предупреждал Лем.

В третьей части также имеется очень любопытная статья "О сверхчувственном познании", в которой Лем рассматривает паранормальные явления, телепатию, телекинез, ясновидение и т.д. Лем анализирует их с точки зрения рационального знания - энергетической возможности подобных феноменов - и приходит к выводу, что во всех случаях таких "чудес" мы имеем дело с мошенничеством.

В Дополнении к книге приводятся некоторые письма Лема и его заметки-размышления по разным поводам - весьма объемный материал более чем в триста страниц. Но тут я, пожалуй, остановлюсь и перейду к последнему эпизоду своей статьи. Читая книги любимых авторов (я имею в виду, зарубежных), мы редко обращаем внимание на имена переводчиков. Считаю необходимым исправить эту несправедливость. Ниже я привел список переводчиков, работавших с книгами Станислава Лема. Среди них много известных лиц - писательница Ариадна Громова, критик Нудельман, переводчики фантастики Зинаида Бобырь, Вайсброт, Брускин и другие. Многие произведения Лема перевел Константин Душенко, мой почти ровесник (на год младше меня). Я всем им благодарен и надеюсь, что кто-нибудь из них "выловит" эту статью в интернете и примет от меня пожелания здоровья и успехов.

Список переводчиков произведений Станислава Лема.

Составлен по собранию сочинений в 10-ти томах, с двумя дополнительными томами (Москва, изд-во "Текст", 1992-1995) и по отдельным книгам.

"Моя жизнь" (автобиография)	- перевод К.Душенко
"Эдем"	- перевод Д.Брускина
"Расследование"	- перевод С.Ларина
"Солярис"	- перевод Г.Гудимовой, В.Перельман
"Возвращение со звезд"	- перевод Г.Гудимовой, В.Перельман
"Непобедимый"	- перевод А.Громовой
"Рассказы о пилоте Пирксе"	- перевод К.Душенко, Е.Вайсброта, А.Громовой и Р.Нудельмана и др.
"Лунная ночь" (радиопьеса)	- перевод К.Душенко
"Рукопись, найденная в ванне"	- перевод К.Душенко
"Высокий замок"	- перевод Е.Вайсброта
"Маска"	- перевод И.Левшина
"Кибериада"	- перевод К.Душенко, А.Громовой и др.
"Звездные дневники Ийона Тихого"	- перевод К.Душенко, З.Бобырь и др.
"Из воспоминаний Ийона Тихого"	- перевод В.Ковалевского, К.Душенко, Ф.Широкова, Д.Брускина, И.Левшина
"Футурологический конгресс"	- перевод К.Душенко
"Осмотр на месте"	- перевод К.Душенко
"Пьесы о профессоре Тарантоге"	- перевод К.Душенко, Е.Вайсброта, А.Громовой
"Мир на Земле"	- перевод К.Душенко и И.Левшина
"Глас Господа"	- перевод А.Громовой, Р.Нудельмана и К.Душенко
"Верный робот" (пьеса)	- перевод А.Ильф и Т.Агапкиной
"Насморк"	- перевод С.Ларина и В.Чепайтиса
"Абсолютная пустота" (рассказы)	- перевод К.Душенко, Е.Вайсброта и др.
"Мнимая величина"	- перевод К.Душенко
"Провокация"	- перевод К.Душенко
"Магелланово облако"	- перевод Л.Яковлева и Т.Агапкиной
"Больница преображения"	- перевод А.Ермонского и М.Игнатова

"Фиаско" - перевод В.Кулагиной-Ярцевой и И.Левшина

"Астронавты" (издание на русском - 1957 г.) - перевод З.Бобыр

"Сумма технологии" (издание на русском - 1968 г.) - перевод А.Громовой,
Д.Иорданского, Р.Нудельмана, Б.Пановкина, Л.Плинера, Р.Трофимова,
Ю.Ярошевского

"Так говорил... Лем" (беседы с Лемом) - перевод В.Борисова и В.Язневича

"Мой взгляд на литературу" - перевод В.Язневича, В.Борисова, К.Душенко,
К.Левшина.